

Два неопубликованных письма А. И. Герцена

Оба письма печатаются по фотокопиям, находящимся в Центральном государственном литературном архиве и заимствованы из подготовленного архивом сборника неизданных материалов, относящихся к Герцену и Огареву. Фотокопии эти были сделаны с оригиналами писем Герцена. Пер-

вый из них, представляющий черновик, хранится в русском историческом архиве в Праге, а второй, написанный на французском языке, — в Ратиборской библиотеке в Башаве.

Комментарий к обоим письмам составлен Б. П. Козынином.

Письмо В. С. Печерину

21 мая 62

Ваше письмо привело меня в большее затруднение! Я считаю необходимым откровенно объясняться, предоставляем вам с еще большей открытостью сказать вам все (ваше) мнение.

С 1853, когда я имел удовольствие беседовать с вами в St. Mary's Chapel и написать вам два письма, я потерял вас из виду и узнал только мельком об вас из газет, когда вы жили книги и писания Иранда.

С тех пор я напечатал ваши стихотворения «Поликрат Самоский» и пр. Многие жалели знать об вас и я в той же «Пол. З.» напечатал отрывок из моих записок, в котором говорится о нашем сидении и к которому я приложил ваши два письма, в русском переводе. Это было в начале 1861. Оскорбительного для вас нет и слова, но весь дух статьи так противоположен духу, что я не знаю, как раскаяться ли вы, что написали мне выше письмо... я не могу только молчать.

Разрешите мне этот вопрос письмом или молчанием — я готов вам писать о громадных надеждах России, о том, куда она идет — ее светской будущности. О духовной я не знаю ничего — и могу только молчать.

Если вы будете строго судить, что я в моих записках приложил ваши письма, я смело приму замечание ваши и скажу только, что я тоже в своих записках напечатал письма Гюго, Карабеля, Минье, — Между людьми, открыто действующими на своих путях, не может быть чисто (личных) приватных сношений.

Позвольте... Когда я подумало, сколько мы, Русские, динулись с того времени, как мы говорили с вами в Клапаме, становился широко на сердце,

Адресат этого письма — В. С. Печерин (1808—1885), яркий образец дворянского русского человека, погубленного суворой реакции царствования Николая I. Талантливый филолог, получивший высшее образование за границей и в 1836 г. назначенный профессором Московского университета, Печерин, будучи не в состоянии примириться с окружавшим его бесправием, в том же году бежал за границу, покинувши, по его выражению, в «снегах вечной непримиримой» к крепостническому строю. После недолговременного увлечения идеями утопического социализма, Печерин оторвался от католицизма и сделался сициеником, членом монашеского ордена редемптористов.

В 1853 г. Герцен, по рассказам общих знакомых энтузиастов Герцена, посетил его в монастыре св. Мэри в Клапаме (одна из частей Лондона), а затем послал ему свои издания. В одной из глав «Былого и дум», озаглавленной «Ратер В. Petcherina», Герцен рассказал о своем посещении Печерина и привел его письма, полученные Герценом после этого письма. Эта глава «Былого и дум» была напи-

1 В подлиннике: «затруднение».

2 В подлиннике оставлено место для одногодовых слов.

3 В подлиннике фраза не закончена.

4 В подлиннике: «кофель».

5 Адресат этого письма — В. С. Печерин (1808—1885), яркий образец дворянского русского человека, погубленного суворой реакции царствования Николая I. Талантливый филолог, получивший высшее образование за границей и в 1836 г. назначенный профессором Московского университета, Печерин, будучи не в состоянии примириться с окружавшим его бесправием, в том же году бежал за границу, покинувши, по его выражению, в «снегах вечной непримиримой» к крепостническому строю. После недолговременного увлечения идеями утопического социализма, Печерин оторвался от католицизма и сделался сициеником, членом монашеского ордена редемптористов.

В 1853 г. Герцен, по рассказам общих знакомых энтузиастов Герцена, посетил его в монастыре св. Мэри в Клапаме (одна из частей Лондона), а затем послал ему свои издания. В одной из глав «Былого и дум», озаглавленной «Ратер В. Petcherina», Герцен рассказал о своем посещении Печерина и привел его письма, полученные Герценом после этого письма.

Эта глава «Былого и дум» была напи-

1 В подлиннике: «затруднение».

2 В подлиннике оставлено место для одногодовых слов.

3 В подлиннике фраза не закончена.

4 В подлиннике: «кофель».

Письмо Г. Фогту

Редакторы «Колокола», имеющие право известить Господина Густава Фогта, что в настоящие времена Господин Мишел Бакунин не находится в Лондоне. Но в то же время он с готовностью возьмется, как за любое поручение, так за любую письменную, адресованную представителю Польского Национального Правительства в Лондоне. Каждое послание будет немедленно напечатано в этом «Колоколе», а затем в Брюссельском «Колоколе». Если Швейцарский Комитет предпочтует войти в непосредственные сношения с польским делегатом, — Комитет или Господину Фогту остается только предупредить, и они пришли от своего адреса и письмо от него.

Александр Герцен.

Н. Огарев.

19 марта 1863.
Orsett House. West boing terrace.

**

Адресат этого письма Герцена и Огарева — Густав Фогт (1829—1901) швейцарский юрист и публицист, профессор Цюрихского университета. Г. Фогт сочинялся польскому восстанию 1831 г. и участвовал в швейцарском комитете по оказанию помощи польским повстанцам.

Публикуемое письмо, написанное в разгар польского восстания, рисует отношения его авторов к делу восстановления Польши. Хотя Герцен был убежден, что восстановление Польши ранее назначенного срока и без необходимости подготавливено на неудачу, тем не менее он считал необходимым всем, чем только мог, поддерживать повстанцев, поднявших оружие против царского правительства, в котором Герцен видел общего врага как Польши, так и русского народа. Об ясность своего отношения к восстанию 1831 г., Герцен писал: «Мы с Польшей, потому что мы за Россию. Мы со стороны поляков, потому что мы — русские. Мы хотим независимости Польши, потому что мы хотим свободы России. Мы с поляками, потому

что одна цепь сковывает нас обоих». (Сочинения, т. XVI, стр. 151). Оцененная позиция, занятую Герценом в 1831 г. В. И. Ленин писал: «Когда вся опора русских либералов откликнулась от Герцена за защиту Польши... Герцен не сомневался. Он продолжал отстаивать свою роль... Польши, как и большинство других стран Европы, Герцен ясно сознавал и подчеркивал глубокую связь этих исканий с историческими тенденциями и жизненными интересами развития России и русской культуры, с народной жизнью. В этом, наряду со строго научным решением основных философских проблем, заключено мировое значение русской прогрессивной и в том числе герценовской философии.

Брюссельский «Колокол» — французская газета «La Cloche», издававшаяся Леоном Фонтеном в Брюсселе с сентября 1862 г. и плющавшая в себе главным образом преречатки различных статей и материалов из герценовского «Колокола».

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ СССР.

В. ПУТИНЦЕВ Записки Искандера

Признание пришло к Герцену-мемуаристу с первыми отрывочными публикациями «Записок Искандера». «Это — прелест, — воскликнул Тургенев под впечатлением начальных глав мемуаров, — ты не только можешь, поддерживать повстанцев, поднявших оружие против царского правительства, в котором Герцен видел общего врага, как Польши, так и русского народа. Об ясность своего отношения к восстанию 1831 г., Герцен писал: «Мы с Польшей, потому что мы за Россию. Мы со стороны поляков, потому что мы — русские. Мы хотим независимости Польши, потому что мы хотим свободы России. Мы с поляками, потому

что одна цепь сковывает нас обоих». (Сочинения, т. XVI, стр. 151). Оцененная позиция, занятую Герценом в 1831 г. В. И. Ленин писал: «Когда вся опора русских либералов откликнулась от Герцена за защиту Польши... Герцен не сомневался. Он продолжал отстаивать свою роль... Польши, как и большинство других стран Европы, Герцен ясно сознавал и подчеркивал глубокую связь этих исканий с историческими тенденциями и жизненными интересами развития России и русской культуры, с народной жизнью. В этом, наряду со строго научным решением основных философских проблем, заключено мировое значение русской прогрессивной и в том числе герценовской философии.

В истории русской литературы творчество Герцена — естественное продолжение позиций и прозы Пушкина. Оно — их прямой и законный наследник. Если бы воображение продолжило жизнь Пушкина хотя бы до второй половины сороковых годов, оно бы немедленно и естественно поставило Пушкина рядом с Герценом по одну сторону литературной баррикады.

Гениальные воспоминания Герцена «Былого и дум» входят в жизнь нашего народа, как вошли в нее «Белый Олег».

Горький называл Герцена «правдивой мыслью, которая протягивает руку через века и олицетворяет подлинную историю». Это было из тех творческих принципов писателя, которые обусловили величественные контуры его мемуаров. Огромный охват событий привел в них к органи-

и. нович Передовой боец демократии

...в Париже гитлеровцы зорились в небольшой домик против собора Нотр-Дам по улице Бюшери, где с давних пор помещалась русская тургеневская библиотека, и наружались здесь под бронзовым бюстом Герцена. Воинским действиям против библиотеки и против памяти Герцена руководил некий доктор Вейс из Берлина. Дипломированный доктор истек Герценом из того, что он был русский, за то, что он был гений, за то, что он был борцом за свободу и независимость, а не врагом угнетенных и рабства, презирал и обличал пруссество, было другом свободолюбивых народов, передовым борцом демократии, и т. д.

Москва — Пермь — Вятка — Владимир — Петербург — Новгород — Москва — Тверь — Рига — Кенигсберг — Берлин — Париж — Рим — Неаполь — Женева — Ницца — Лондон — Брюссель — Флоренция — Лиссабон — Милан — Страсбург — важнейшие географические пункты жизни и странствования Герцена. Некоторые же из этих городов — еще и этапы его неустанных идеальных исканий, его мучительных поисков по всему белому свету разумного и справедливого социального устройства.

Судьбы России и судьбы Европы в ихживой и непосредственной связи — также общее историческое содержание произведений Герцена. Его собственная жизнь вполне выражает это содержание творчества, в котором он безвозмездно рассказывал о себе. Герценовский рассказ о себе, каким является все его творчество, смог приобрести объективное идентично-художественное значение в той мере, в какой духовная драма Герцена, о которой говорил В. И. Ленин в статье «Памяти Герцена», явилась порождением и отражением огромных исторических событий в России и Европе.

Линноть и деятельность Герцена неотъемлемы от истории России и русского народа в одну из важнейших эпох — после 14 декабря 1825 года до времени реформ 19 февраля 1861 года и первого парламентного десятилетия. Деятельность Герцена выплеснута в политический быт демократических движений европейских стран — Франции, Италии, Англии, Польши на важнейшем перегоне истории.

С полным правом можно сказать, что, кроме Н. Д. Киселева, представившего тогда Россию в Париже в качестве управляемого русским посольством, кроме Ф. И. Бруниова — русского посла в Лондоне, был еще в Париже и Лондоне представитель не официальной России, а народа русского, его чаяний и стремлений — А. И. Герцен.

Из-за границы обратился Герцен с very long Russian words to his friends in England. Ему в ответе писал Герцен с помощью переводчика — А. И. Герцен.

С полным правом можно сказать, что, кроме Н. Д. Киселева, представившего тогда Россию в Париже в качестве управляемого русским посольством, кроме Ф. И. Бруниова — русского посла в Лондоне, был еще в Париже и Лондоне представитель не официальной России, а народа русского, его чаяний и стремлений — А. И. Герцен.

С полным правом можно сказать, что, кроме Н. Д. Киселева, представившего тогда Россию в Париже в качестве управляемого русским посольством, кроме Ф. И. Бруниова — русского посла в Лондоне, был еще в Париже и Лондоне представитель не официальной России, а народа русского, его чаяний и стремлений — А. И. Герцен.

С полным правом можно сказать, что, кроме Н. Д. Киселева, представившего тогда Россию в Париже в качестве управляемого русским посольством, кроме Ф. И. Бруниова — русского посла в Лондоне, был еще в Париже и Лондоне представитель не официальной России, а народа русского, его чаяний и стремлений — А. И. Герцен.

С полным правом можно сказать, что, кроме Н. Д. Киселева, представившего тогда Россию в Париже в качестве управляемого русским посольством, кроме Ф. И. Бруниова — русского посла в Лондоне, был еще в Париже и Лондоне представитель не официальной России, а народа русского, его чаяний и стремлений — А. И. Герцен.

С полным правом можно сказать, что, кроме Н. Д. Киселева, представившего тогда Россию в Париже в качестве управляемого русским посольством, кроме Ф. И. Бруниова — русского посла в Лондоне, был еще в Париже и Лондоне представитель не официальной России, а народа русского, его чаяний и стремлений — А. И. Герцен.

С полным правом можно сказать, что, кроме Н. Д. Киселева, представившего тогда Россию в Париже в качестве управляемого русским посольством, кроме Ф. И. Бруниова — русского посла в Лондоне, был еще в Париже и Лондоне представитель не официальной России, а народа русского, его чаяний и стремлений — А. И. Герцен.

С полным правом можно сказать, что, кроме Н. Д. Киселева, представившего тогда Россию в Париже в качестве управляемого русским посольством, кроме Ф. И. Бруниова — русского посла в Лондоне, был еще в Париже и Лондоне представитель не официальной России, а народа русского, его чаяний и стремлений — А. И. Герцен.

С полным правом можно сказать, что, кроме Н. Д. Киселева, представившего тогда Россию в Париже в качестве управляемого русским посольством, кроме Ф. И. Бруниова — русского посла в Лондоне, был еще в Париже и Лондоне представитель не официальной России, а народа русского, его чаяний и стремлений — А. И. Герцен.

С полным правом можно сказать, что, кроме Н. Д. Киселева, представившего тогда Россию в Париже в качестве управляемого русским посольством, кроме Ф. И. Бруниова — русского посла в Лондоне, был еще в Париже и Лондоне представитель не официальной России, а народа русского, его чаяний и стремлений — А. И. Герцен.

С полным правом можно сказать, что, кроме Н. Д. Киселева, представившего тогда Россию в Париже в качестве управляемого русским посольством, кроме Ф. И. Бруниова — русского посла в Лондоне, был еще в Париже и Лондоне представитель не официальной России, а народа русского, его чаяний и стремлений — А. И. Герцен.

С полным правом можно сказать, что, кроме Н. Д. Киселева, представившего тогда Россию в Париже в качестве управляемого русским посольством, кроме Ф. И. Бруниова — русского посла в Лондоне, был еще в Париже и Лондоне представитель не официальной России, а народа русского, его чаяний и стремлений — А. И. Герцен.

С полным правом можно сказать, что, кроме Н. Д. Киселева, представившего тогда Россию в Париже в качестве управляемого русским посольством, кроме Ф. И. Бруниова — русского посла в Лондоне, был еще в Париже и Лондоне представитель не официальной России, а народа русского, его чаяний и стремлений — А. И. Герцен.

С полным правом можно сказать, что, кроме Н. Д. Киселева, представившего тогда Россию в Париже в качестве управляемого русским посольством, кроме Ф. И. Бруниова — русского посла в Лондоне, был еще в Париже и Лондоне представитель не официальной России, а народа русского, его чаяний и стремлений — А. И. Герцен.

С полным правом можно сказать, что, кроме Н. Д. Киселева, представившего тогда Россию в Париже в качестве управляемого русским посольством, кроме Ф. И. Бруниова — русского посла в Лондоне, был еще в Париже и Лондоне представитель не официальной России, а народа русского, его чаяний и стремлений — А. И. Герцен.

С пол

Солдатские песни

«Песня о русском солдате» стала стихией бойцов, перешедших в наступление на Украину. Впервые ее подхватил ансамбль красноармейской песни и пляски 1-го Украинского фронта.

Но не только в злободневности успех «Солдатских песен». Они глубоко лиричны, создают настроение, почти все с интересом следят за сюжетом.

Песни Александра Гутовицкого подхватываются слушателями и передаются из окна в окно, из батальона в батальон.

Александр Гутовицкий находится на фронте с июня 1941 года. Он прошел с однокурсниками из первых партизанских отрядов по Украине, был на Волге и под Харьковом и снова вернулся к Днепру. Здесь, у стены Красной Армии.

Что сделала популярными эти песни среди солдатской массы? Они всегда были злободневными. «Сталинградская праздничная» впервые исполнилась в ночь на 7 ноября 1942 года в Сталинграде. Это было трудное для города время. Наша окопы проходили всего в 300 метрах от Волги. Немцы начали второй штурм. И клятвой тогда звучали слова песни:

Мы умрем — не слачим Сталинград,

На пароме глохнет Дону,

Радостный хлопец запевала

Повинной землицу одну.

Год разлуки показался долгим,

Запевала новой встречи ждал,

Прильнула к щеке ее Бессмертная,

На Днепре замирая, покоялся,

Вечер был, как парень тихий-тихий...

Надо было спасе уходить,

Он задыхая, и, улыбнувшись лико,

Обещал на Рейне полюбить.

На Днепре замирали песни,

Кто же иные песни заведет?

Не грусти, подружечка-гниара,

Наша рота песню донесет.

Всего в книге собрано шестнадцать песен — лирических и песен-баллад. Конечно, без труда можно отыскать в них фонетические слоги и неточности языка. Но ведь все это легко устранимо, а песни Александра Гутовицкого обладают основными качествами народной поэзии — кратким сюжетом и большой эмоциональной силой.

«То, что лежит в окопах» — таков полагавший к книге песен Александра Гутовицкого. Автор может смело говорить об этом потому, что он прекрасно знает быт войны, он провел более трех лет на фронте.

СЛОВАХ

ВОЛШЕБНЫХ И НЕВОЛШЕБНЫХ

Мы с детства на всю жизнь запоминаем пророческую и поучительную историю старом дедушке, о том, как стал он плохой власт и руки у него стали дрожать, как он неопрятно ел и посуда падала у него из рук и как отец с матерью посадили его за печку и дали ему еду в деревянной миске, и о том, как их сыночек сместил корытце из щепочек, чтобы кормить, когда они состарятся...

Прозрачная мораль этого рассказа абсолютно понятна самым маленьким детям, благородная идея рассказа служит одной из самых верных ступенек, поднимающих по которым, ребенок превращается в Человека.

Истинный поэт не читает детям скучных нотаций — живым словом своего рассказа он идет прямо к сердцу и разуму ребенка и находит в нем благодарный отклик. Тайной этого прямого маршрута великолепно владел Лев Толстой, уверенно шагал по этой дороге. Корытце Большой Маяковский посыпал себе на колени маленько мальчику и, говоря с ним, как равный с равным, рассказал ему, что такое хорошо и что такое плохо.

В наши дни поэты, любимые дети, воспитывают своих читателей, приподнявши им простоту, повествуя о жажде старухе, что осталась у разбитого корытца. Большой Маяковский посыпал себе на колени маленько мальчику и, говоря с ним, как равный с равным, рассказал ему, что такое хорошо и что такое плохо.

В рассказе «Что легче?» речь идет о трех мальчиках. Они заглянули в лесу и испугались, что их будут бранить.

— Я скажу, — говорит первый.

— Я скажу, — говорит второй, — что девушки встретят. Обрадуется мать и не будет бранить меня.

— Третий же решил сказать правду.

Ложь мальчиков была сразу же обнаружена. Кто раз в эту минуту пришел с лесной сторожкой и сказал, что нет здесь в лесу волков. Как раз в этот час присшел в леса дед и выяснилось, что они и не встречались. Крепко наказали обоих ребят, за вину — одно, а за ложь — другое. Третий же правду сказал — побрали его, да и только. Мораль очень ясна. Но пятилетний Макаринкин спросил, хитро, прищурившись:

— А если бы сторож не пришел?..

— И нечего ему ответить.

Да и самим автором вопрос поставлен не вполне точно. «Что легче?». И фильмо-благодарно звучат слова третьего мальчика: «Правду всегда легче сказать, потому что она права, и придумывать ничего не надо». Мимо ведь отлично знаем, что придумать подчас гораздо легче, чем сказать правду, и дело вовсе не в том, что легче, а в том, что лучше. В своем знаменитом рассказе о косточке от стены Лев Толстой дал нам блестящий образец правдивого рассказа о лже. В нем неизвестно ни одного слова,

— Правда вежлив! — говорит первый рассказ «Волшебное слово».

— Думай о других, а не только о себе», — вот мораль рассказа «Печенье».

— Не капризиши!, — поучает рассказ «Лекарство».

— Мечта о подвигах, не забывай о своих повседневных обязанностях!, — рассказывает «Хорошее».

— Будь верен в дружбе, не предавай товарища! — рассказывает «Что подумал еж?»

— Различия ценностей этих рассказов, разнообразно их построение и различия в их совершенствах.

Два первых рассказа в книге — наилучшие.

Маленький старик по секрету сообщает鄰居 Павлику волшебное слово. Это слово, как «Сезам, отворись», рождает успех и обеспечивает удачу тому, кто его произносит тихим голосом, глядя собеседнику прямо в глаза. В рассказе ясно и убедительно показано магическое действие волшебного слова. Сестра сразу делает Павлику заветную зеленую краску, бабушка выбирает ему самый румяный приборок и даже брат, сам старший брат не может противиться силе волшебного слова и соглашается взять Павлика с собой кататься на лодке. Все изложeno так соблазнительно, что même читатель, наверно, тоже попробует испытать чудесную силу этого слова на своих близких. Что же это за слово? Это — знакомое всем, но забываемое слово «волшебиста».

Затем рассказ гораздо сложнее, хотя в нем нет никаких чудес, никаких непонятных знаков на писке (кстати, совершенно лишних в первом рассказе). Изложенный его короче, чем он написан, почти невозможно. Два мальчика за чаем поделились между собой поровну все печенье и сели его. «Когда все печенье было съедено, никому не изменят.

В романе доминирует Киров, праздник, мимоходом, и днем он лишь внешне, не склонными деталями — незначительными и не обательными, но и здесь автор как бы страхует себя тем, что о Кирове говорит не он сам, а его герой в письме к девушке. Герой же молод, неопытен, наивен, в Союзе советских писателей не состоит — что с него спросишь?

Нет, несколько не похож молодеческого нашего времени — беспокойный, ищущий, страстный, думющий — на опиумного несущего, бесстверпименного и мелкого героя, вся проблематика которого сводится к двум приложенным вопросам: может ли человек в Заполярье носить белый воротничок и быть хорошим?

Если друг скажет вульгарный плен, Грешно ли дать такому другу в морду?

Есть в романе и доктор-немец, который, конечно, «шингит» и «спрет», есть два шлюпника, которым все равно, где работать, словом, есть, что положатся.

Автор и редакция остались, видимо, в твердом и радостном убеждении, что по части содержания все в порядке и что «сквернота» не подточит.

Однако произведение Ошанина — не

Лев Ошанин: «Мой друг Борис». «Новый мир» № 11—12, 1944 г.

В. Осеева: «Волшебное слово». Дети, № 1—2, 1944 г.

Б. Осеева: «Волшебное слово». Дети, № 1—2, 1944 г.

В. Осеева: «Волшебное слово». Дети, № 1—2, 1944 г.

В. Осеева: «Волшебное слово». Дети, № 1—2, 1944 г.

В. Осеева: «Волшебное слово». Дети, № 1—2, 1944 г.

В. Осеева: «Волшебное слово». Дети, № 1—2, 1944 г.

В. Осеева: «Волшебное слово». Дети, № 1—2, 1944 г.

В. Осеева: «Волшебное слово». Дети, № 1—2, 1944 г.

В. Осеева: «Волшебное слово». Дети, № 1—2, 1944 г.

В. Осеева: «Волшебное слово». Дети, № 1—2, 1944 г.

В. Осеева: «Волшебное слово». Дети, № 1—2, 1944 г.

В. Осеева: «Волшебное слово». Дети, № 1—2, 1944 г.

В. Осеева: «Волшебное слово». Дети, № 1—2, 1944 г.

В. Осеева: «Волшебное слово». Дети, № 1—2, 1944 г.

В. Осеева: «Волшебное слово». Дети, № 1—2, 1944 г.

В. Осеева: «Волшебное слово». Дети, № 1—2, 1944 г.

В. Осеева: «Волшебное слово». Дети, № 1—2, 1944 г.

В. Осеева: «Волшебное слово». Дети, № 1—2, 1944 г.

В. Осеева: «Волшебное слово». Дети, № 1—2, 1944 г.

В. Осеева: «Волшебное слово». Дети, № 1—2, 1944 г.

В. Осеева: «Волшебное слово». Дети, № 1—2, 1944 г.

В. Осеева: «Волшебное слово». Дети, № 1—2, 1944 г.

В. Осеева: «Волшебное слово». Дети, № 1—2, 1944 г.

В. Осеева: «Волшебное слово». Дети, № 1—2, 1944 г.

В. Осеева: «Волшебное слово». Дети, № 1—2, 1944 г.

В. Осеева: «Волшебное слово». Дети, № 1—2, 1944 г.

В. Осеева: «Волшебное слово». Дети, № 1—2, 1944 г.

В. Осеева: «Волшебное слово». Дети, № 1—2, 1944 г.

В. Осеева: «Волшебное слово». Дети, № 1—2, 1944 г.

В. Осеева: «Волшебное слово». Дети, № 1—2, 1944 г.

В. Осеева: «Волшебное слово». Дети, № 1—2, 1944 г.

В. Осеева: «Волшебное слово». Дети, № 1—2, 1944 г.

В. Осеева: «Волшебное слово». Дети, № 1—2, 1944 г.

В. Осеева: «Волшебное слово». Дети, № 1—2, 1944 г.

В. Осеева: «Волшебное слово». Дети, № 1—2, 1944 г.

В. Осеева: «Волшебное слово». Дети, № 1—2, 1944 г.

В. Осеева: «Волшебное слово». Дети, № 1—2, 1944 г.

В. Осеева: «Волшебное слово». Дети, № 1—2, 1944 г.

В. Осеева: «Волшебное слово». Дети, № 1—2, 1944 г.

В. Осеева: «Волшебное слово». Дети, № 1—2, 1944 г.

В. Осеева: «Волшебное слово». Дети, № 1—2, 1944 г.

В. Осеева: «Волшебное слово». Дети, № 1—2, 1944 г.

В. Осеева: «Волшебное слово». Дети, № 1—2, 1944 г.

В. Осеева: «Волшебное слово». Дети, № 1—2, 1944 г.

В. Осеева: «Волшебное слово». Дети, № 1—2, 1944 г.

В. Осеева: «Волшебное слово». Дети, № 1—2, 1944 г.

В. Осеева: «Волшебное слово». Дети, № 1—2, 1944 г.

В. Осеева: «Волшебное слово». Дети, № 1—2, 1944 г.

В. Осеева: «Волшебное слово». Дети, № 1—2, 1944 г.

В. Осеева: «Волшебное слово». Дети, № 1—2, 1944 г.

В. Осеева: «Волшебное слово». Дети, № 1—2, 1944 г.

В. Осеева: «Волшебное слово». Дети, № 1—2, 1944 г.

